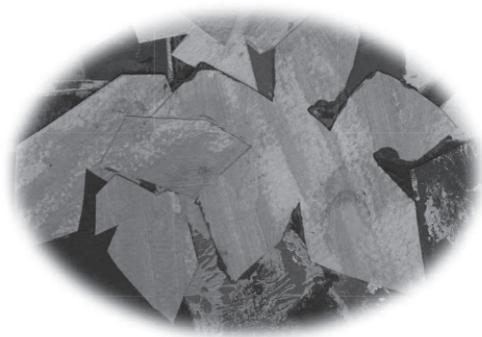

• большая детская библиотека •

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

ДЕТСТВО
ЧИКА

Рассказы

НОЧЬ И ДЕНЬ ЧИКА

— А тебе, Ясон, — спросил Чик, — приходилось убивать человека?

Чик лежал на высокой бабушкиной кровати и, приподнявшись, смотрел в противоположную сторону залы — так называли эту комнату. Там почти в полной темноте лежал Ясон. Ясон курил, и огонек папиросы, когда он затягивался, озарял его впалую щеку, коротенький нос и большие губы.

Между Чиком и Ясоном на своем обычном месте лежал дядя Коля, сумасшедший дядюшка Чика. Ставни среднего окна были открыты, и свет уличного фонаря слегка озарял постель и бритую голову дяди Коли.

В столовой спала тетя Наташа, дальняя родственница Чика. Больше в доме никого не было, все уехали в деревню на похороны...

Обычно Чик спал у себя дома, внизу, на первом этаже. Но сегодня бабушка оставила его здесь, чтобы он присматривал за дядей. Сам-то дядя предпочел бы, чтобы Чик за ним не присматривал, потому что в таких случаях Чик редко удерживался, чтобы не подразнить его.

Правда, сейчас Чик, занятый разговором с Ясоном, не собирался его дразнить. Дело в том, что Ясон был вором. Это все знали. Во всяком случае, знали все родственники. Изредка он заходил к ним домой, иногда оставался ночевать и всегда уходил рано утром.

Задав вопрос, Чик напряженно прислушивался, чтобы не пропустить ни одного слова. Прислушиваясь, он поглядывал сквозь среднее окно на уличный фонарь, вокруг которого толклись мотыльки и мошки.

Ясон не спешил с ответом, зато в тишине без умолку раздавалась песенка дяди Коли. Такие песенки, собственного сочинения, без всяких слов, вернее, с выдуманными словами, он всегда пел перед сном, если у него было хорошее настроение.

Иногда он прерывал песню и, приподнявшись, тревожно смотрел в сторону Чика, чтобы вовремя перехватить его

очередную проделку. То, что Чик до сих пор ничего не выкинул, беспокоило его, казалось признаком особого коварства.

— Вижу, вижу, — приговаривал он, делая вид, что разгадал замысел Чика и достаточно сурово покарает, когда это будет необходимо. Еще один оттенок легко улавливал Чик в его предупреждении. Он как бы выманивал его из засады — мол, давай, если ты такой храбрый, действуй побыстрей, а там я с тобой разделаюсь, и мы оба освободимся друг от друга. Иногда он поглядывал на Ясона, стараясь предугадать, чью сторону примет этот неизвестный человек в случае столкновения с Чиком.

Собственно говоря, Чик собирался подбросить ему кошку. С этой целью он взял ее к себе в постель, но сейчас, увлекшись рассказами Ясона, забыл о своих планах. Кошка спала, уютно устроившись на простыне, которой укрывался Чик.

Кошек и собак дядя Коля не переносил. Он испытывал к ним яростное отвращение. Было похоже, что он не видел между ними особой разницы. Во всяком случае, и тех и других он обобщенно называл собаками.

Предупредив Чика, что его тайные приготовления не остались незамечен-

ными, дядюшка на время успокоился и снова затаил свою бесконечную мелодию, иногда подражая каким-то музыкальным инструментам, совершенно неведомым Чику, а может быть, и всему остальному человечеству.

— Он что, всю ночь будет так скулить? — неожиданно спросил Ясон, не отвечая на вопрос Чика.

— Это он поет, — ответил Чик, несколько обиженный за дядю, — он так попоет немного, а потом заснет.

— Интересно, что ему сейчас кажется? — сказал Ясон и затаился. Снова появились в темноте большие губы, коротенький нос и ямина впалой щеки.

— Ничего не кажется, — ответил Чик несколько раздраженно. — Ты лучше скажи, приходилось тебе убивать или нет?

— Было, — сказал Ясон не очень охотно. Чик не мог почувствовать, жалеет он об этом или ему просто лень вспоминать.

— Так расскажи, — снова подтолкнул он его.

— В ту ночь, — начал Ясон, — мы ничего такого не думали. Шли с кино с одним корешом...

— Я его не знаю? — спросил Чик. — Он не из тех, кого я видел на стадионе?

— Не, то был грек, — сказал Ясон с таким видом, как будто среди тех, что были на стадионе, не могло оказаться грека.

...В прошлом году за драку в ресторане Ясона посадили в тюрьму.

Оказывается, он заплатил деньги ресторанному певцу, чтобы тот спел «Здравствуй, моя Мурка». Но певец почему-то отказался петь эту песню, хотя обещал спеть любую другую. Из-за этого все и началось.

Чик вообще считал всю эту историю очень глупой. Если уж Ясону было совсем невтерпеж послушать «Мурку», то он мог прийти к ним домой, и Чик ему спел бы ее, и притом бесплатно.

Одним словом, из-за этого получилась драка, и один из друзей Ясона бросил в певца бутылку из-под шампанского. Но она в певца не попала. Она попала в барабан, и тот лопнул. Не лопни барабан, ничего бы не случилось. А когда барабан лопнул, кто-то решил, что началась стрельба, и позвонил в милицию. Тут приехала милиция, и всех перехватили. Таким образом Ясон оказался на полгода в тюрьме. Вернее, это так считалось, что он сидит в тюрьме. На самом деле он вместе с другими заключен-

ными работал. Чик тогда несколько раз носил ему передачи. Передачи эти — полная сетка продуктов — втайне от домашних собирала бабушка и давала Чикю отнести, потому что работал Ясон совсем рядом, в двух кварталах от дома, на стадионе.

Хотя по дорожке похаживал часовой, пройти к заключенным было совсем легко с другой стороны, где в деревянном заборе была не слишком замаскированная дыра. В другое время ее обязательно заделали бы, а сейчас решили оставить, потому что все равно этот забор собирались заменить каменной оградой. (Среди ребят ходили темные слухи о том, что в гребень каменной ограды собираются вцементировать бутылочные осколки, как это делалось в некоторых местах. К счастью, слухи эти впоследствии не оправдались, но тогда мысль о новом каменном заборе с бутылочными осколками наводила на Чика тоску.)

Даже в самый первый раз, когда Чик приходил сюда со своей тяжелой сеткой, наполненной продуктами, он несколько не боялся часового. Он просто дождался, когда тот повернулся к нему спиной, и пролез в дыру. Потом, когда заключенные хвалили его за храбрость, Чик хотя

и не протестовал, но про себя удивлялся их наивности.

Пролезая в дыру, Чик совершенно ясно понимал, что не может наш советский часовой выстрелить в нашего советского школьника. В крайнем случае просто прогонит. Чик это до того ясно понимал, что голова его легко пролезла в дыру. А ведь обычно, когда он пролезал через эту дыру, голова его нередко застревала из-за своего размера и слишком растопыренных ушей. Дело в том, что надо было слегка сунуть голову в дыру, немного поерзать ею, а дальше она сама находила дорогу. Но Чик от волнения часто совывал голову до отказа, так что поерзать уже было невозможно и приходилось лезть напролом. Чику всегда казалось, что в таких случаях уши его от предчувствия боли сами прижимаются к голове. А все потому, что он слишком волновался. А часового не надо было бояться, и голова Чика, спокойно поерзав, прошла в дыру.

Арестованные, почти все здоровые и молодые ребята, показались Чику веселыми и жизнерадостными. Одни из них перетаскивали носилки с песком и гравием, другие гасили в яме известь, третьи копали фундамент для каменной ограды,

а четвертые вообще ничего не делали, просто сидели на досках. Чик почувствовал, что Ясона надо искать среди них. Так оно и оказалось.

Чик у было неловко подходить к нему. Он думал, что Ясону будет стыдно перед ним за то, что он оказался в тюрьме, да еще вдобавок ему и голову побрили. Поэтому сам Чик испытывал неловкость. К счастью, Ясон не смотрел в его сторону, и он незаметно подошел к нему.

— А, Чик! — улыбнулся Ясон, увидев его, и, потрепав по голове, взял сетку. Чик сразу же почувствовал, что Ясон никакого стыда за то, что сидит в тюрьме, или за то, что ему побрили голову, не испытывает. Поэтому он и сам перестал стыдиться. Потом он заметил, что вообще никто из заключенных никакой неловкости не испытывает.

Ясон вынимал из сетки хлеб, сыр, масло, помидоры, соленые огурцы и все это небрежно складывал на досках. Двое заключенных, проходивших мимо с носилками, наполненными гравием, увидев, чем он занят, остановились напротив него и разом, не сговариваясь, бросили носилки, даже не наклонившись.

— А выпить ничего нет? — спросил один из них, усаживаясь рядом с Ясо-

ном, и без всякой видимой причины заголил до колена одну ногу.

— Так это ж бабка! — ответил ему Ясон.

— Вот кран, — показал Чик рукой на колонку. Ему на миг показалось, что им не дают воды. Все засмеялись, и Чик догадался, что они имеют в виду.

Товарищи Ясона расселись на досках поближе к закуске и стали есть.

Сначала почему-то все напали на соленые огурцы и мигом все сожрали. Чик заметил, что все остальное они ели довольно равнодушно. Чик с обидой почувствовал, что рука его все еще ноет от тяжелой сетки.

— Не очень-то, я вижу, вы голодные, — сказал Чик сердито.

Все опять рассмеялись, а тот, что был с оголенной ногой, поощрительно пошлепал свою голую икру — дескать, ничего, справный поросенок.

— Что мы, фрайера, что ли! — сказал он.

Двое из присевших на доски, продолжая жевать и не меняя позы, стали играть в карты. Чик не знал, что это за игра. Он знал только три игры: в «дурака», в «фурт» и в «очко». А это была какая-то странная игра. Один из игро-

ков, беря из колоды карты, самым начальным образом подсматривал остающиеся. Возьмет две-три нужные ему карты, но при этом обязательно вывернет еще две-три и подсмотрит. А второй игрок как уставился в свои карты, так и смотрит в них не отрываясь. Хоть бы, когда берет карты, на колоду посмотрел, волнуясь, думал Чик. Так нет, он и тут машинально протягивал руку и не отрываясь продолжал смотреть на свои карты. Прямо губошлеп какой-то!

— Да он же все карты подглядывает! — крикнул Чик, не выдержав.

— Ничего, пусть потешится, — сказал тот, так и не оторвав взгляда от собственных карт. И тут Чик по голосу его почувствовал, что он заранее это учел, так что ему даже незачем следить за колодой.

Чик до этого даже и представить себе не мог, что может быть такая игра, где один подсматривает карты, а другой хоть и знает об этом, но никак ему не мешает. Видно, за счет чего-то другого он уравнивает это преимущество, подумал Чик. Может быть, за счет более точной игры или еще чего-то.

Это было похоже на то, как однажды Чик бежал наперегонки с одним мальчиком. Условия были такие: надо было

выбегать с одного места в разные стороны и, сделав круг из четырех кварталов, прибежать назад. Чик очень старался, потому что знал, что этот мальчик хорошо бегают.

Они встретились примерно на середине параллельной улицы. Ревниво пропыхтев друг мимо друга, разбежались. Когда Чик выскочил на свою улицу и уже подбегал к тому месту, где они стартовали, он вдруг увидел, что его соперник выбегает со двора соседнего дома. Значит, как только они разминулись, тот решил срезать дорогу и побежал по дворам.

Соперник тоже заметил, что Чик его видит, он даже не мог скрыть смущенной улыбки и все-таки с тупым усердием продолжал бежать, хотя теперь это не имело никакого смысла...

Все-таки Чик пришел первым. Сперва он чуть было не задохнулся от возмущения, но потом, отдышавшись, понял, что мошенник (он все еще смущенно улыбался) вдвойне наказан. Получалось, что он и меньше бежал, и все равно пришел вторым. Оказалось, что прыгать через заборы тоже нелегко, а в одном дворе за ним еще и собака погналась.

Чик вспомнил этот случай, наблюдая за странной игрой в карты. Он пришел

к выводу, что мошенничать не так выгодно, как это кажется многим. А в том, что именно так кажется многим, Чик несколько не сомневался.

— ...Было уже часов так двенадцать, — продолжал Ясон. — Смотрю, в доме напротив парка окна открыты на втором этаже и свет горит. Прислушался — ничего не слышно, как будто спят. А свет горит. Место тоже удобное, и этаж низкий. В случае чего прыгай и чеши через парк. А кореш, который со мной был, оказался трус, но я не знал. Возле нас тоже ошиваются случайные проходимцы.

«Ты, — говорю ему, — кроме помидоров на базаре, что-нибудь воровал?»

«Я цесный вор, кого хочешь спроси», — отвечает он.

Вообще он некоторые слова не так говорил, потому что грек. Не, среди греков мировые ребята попадают, но этот оказался трус.

«Тогда попробуем», — говорю.

Вижу, дрейфит, но не хочет показывать.

«Подожди, — говорит, — есе рано».

«Ну, рано, рано, — говорю, — нас дети дома не ждут».

Пошлялись по городу, вышли на буль-

вар — вижу, скучает мой кореш. Ну ничего, думаю, сейчас повеселеет. У сторожа павильона покупаю поллитру и колбасу. Сели на берегу, пьем, закусываем. Вижу, он повеселел.

«Прошел мандраж?» — говорю.

«Какой мандраз? — говорит. — Я ползу, а ты стой на вассере».

Кидаю бутылку в море. Вижу — плавает.

«Вот, — говорю, — кто утопит, тот и стоит на вассере».

Смотрю — я не успею один камень поднять, он уже три кинул. Дал я ему утопить эту бутылку, и мы пошли. Все равно я его в дом не собирался пускать — такого мандражиста пусти, все дело испортит. По дороге зашел в один двор и срезал там бельевую веревку. Запихал в карман. Приходим к дому — вижу, окна все еще открыты и свет горит...

— А разве при свете не опасно? — спросил Чик.

— Еще лучше, — радостно пояснил Ясон, — хотя некоторые не понимают.

Когда свет горит, ты сразу все видишь, где что и куда в случае чего бежать.

А без света у него преимущество получается.

— У кого «у него»? — спросил Чик.

— Как у кого? — удивился Ясон и, скрипнув кроватью, повернулся к Чику. — У хозяина! Ведь он и без света знает, где что стоит у него. А ты можешь через какой-нибудь стул перевернуться и срок получить.

— Еще бы, — сказал Чик, — ведь он у себя дома.

— В том-то и дело, — вздохнул Ясон. В голосе его прозвучала обида за преимущество хозяина в знании особенностей своей квартиры. Чику это показалось очень смешным.

Пилюм, пилюм, пилюм, пилюм,
Плюм, плюм, плюм!

Дядя Коля, не прерывая песни, неожиданно перешел на музыкальный инструмент, зазвучавший еще более радостно и энергично.

— Он что, совсем чокнулся? — спросил Ясон, приподнявшись, словно пытаюсь разглядеть инструмент, на котором играл дядюшка Чика.

— Да нет, он всегда такой, — сказал Чик.

— Нет, раньше он был получше, — не согласился Ясон.